

Тимур Садыков

Как я уехал в Кострому

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Тимур Садыков
Как я уехал в Кострому

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Садыков Т.

Как я уехал в Кострому / Т. Садыков — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Как уехать и как остаться. Как найти свое и своих. Как вернуться из внутренней Ирландии в настоящую и выпить за это с Бренданом Глиссоном. Как примириться со смертью, с потерей любви, с потерей себя и как снова все обрести. И немного о том, как кормить лебедей в дублинском парке Сент-Стивенс Грин, а так же о том, как за кружкой пива в пабе на Гафтон стрит избежать вступления в ИРА. Содержит нецензурную брань.

Я хочу вас кое с кем познакомить. Это моя дверь, ее зовут Берта. Вообще-то она сделана в России, и ее должны были назвать привычнее – Варя, Маша или Анастасия Петровна. Но меня привлекает некое благозвучие европейских имен. Только вслушайтесь: Кьярра, Одри... Эбигейл – вот тоже хорошее имя. А мою дверь зовут Берта. У германцев это древний дух в белых одеждах и с гусиной лапой. Он карает тех, кто жрет в пост. А еще есть Большая Берта – это артиллерийское орудие сверхбольшого калибра. Получается, что моя дверь – кремлевская диета разрушительной силы.

Берта матово-черная. Она легка в уходе и неприхотлива в быту. При покупке мне нахваливали ее сторожевые качества. Говорили, что она ударопрочная, усилена арматурным каркасом и наполнена жидким пенопластом. То есть еще и тепло держать будет, не только оборону. Петли бесшумные, замки неболтливые... Вы когда-нибудь задумывались, что ваш замок знает о вас все? Он знает ваше расписание, пищевые привычки, алкогольные предпочтения, которые оставляют на нем засечки, когда вы не попадаете в замочную скважину с первого раза. Ваш замок мог бы многое рассказать о вас. Но современные замки не болтливы.

Вот вы привыкли к дверям и совершенно не замечаете их уникальных свойств. А ведь в дверь можно не только войти и выйти, ее можно использовать как музыкальный инструмент: хлопать, стучать. В нее можно барабанить, можно скрестись. Под нею можно подвывать. А еще дверь можно поцеловать.

Сейчас расскажу одну занимательную историю. Одна моя знакомая очень интересно использовала дверь. Она хваталась за верхний край двери, обхватывала ее ногами с двух сторон и елозила так по ней до наступления оргазма. Честное слово, я не шучу! Как-то раз я сам наблюдал этот акробатический этюд. Так что выражение «спать под дверью» обрело для меня новый смысл.

Кстати, дверь подарила нам одну из лучших мелодраматических сцен в мировом кинематографе. «Джек, вернись! Вернись, Джек!» – девочки всего мира тогда писали петиции Кэмерону, обвиняя его в бездушии. Дверь большая, писали они, Роза и Джек могли бы забраться на нее вдвоем и выжить. Но Кэмерон расчетливо убил беднягу Джека и подарил миру лучшую любовную сцену в окружении трупов.

Двери бывают разные. Есть двери путешественников. Они месяцами могут не видеть хозяев. Стоят себе закрытыми. Скучают. Если бы они могли бы выбегать на дорогу и глядеть туда, за горизонт, так бы и делали. Но они на службе: долг. Бывают двери обывателей. Кажется, что «обыватель» – обидное слово. Вот если бы не Чехов, то в слове «обыватель» не было бы ничего обидного. Обыватель – это просто местный житель. А Чехов и тут нам насолил – обозвал ограниченными людьми с мещанскими взглядами на жизнь. Как будто мало его «Вишневого сада» в школьной программе. Но классик прав – моя Берта меня часто видит.

Я не путешественник, я мало где был. Если верить социальной рекламе, то даже пластиковый мешок для мусора путешествует чаще меня. Ирландия всегда была первой в моем списке. Но попасть туда оказалось сложнее, чем в яблоко на голове жены. Вы же помните ту историю, когда стрелок на спор выстрелил в яблоко, стоящее на голове жены, и не попал? В яблоко. Вернее, там была не жена, а сын. И в яблоко как раз он попал. Жену же потом просто так застрелил... Так вот, он попал, а я не попал. Не стрелок я. Ни в яблоко, как говорится, ни в Красную армию. Промахнулся мимо Ирландии чуток, попал в Турцию.

Потом был Египет. Из хорошего в Египте – «Рок-кафе» и виски из дьюти-фри аэропорта Домодедово. После случился пенсионерский тур. Знаете, когда в большой круизный лайнер пачками грузят европейских пенсионеров и нашу классовую ненависть. Скучно невыразимо! Есть сомнительное развлечение – материть обслугу, но эквадорские парни подозрительно быстро на чистом русском начинают отвечать тем же.

А дальше был Израиль. Знаете, что такое еврейское счастье? Если не знаете, то я не стану объяснять. Вы уже счастливый человек, к чему вам вся боль и скорбь еврейского народа, в

исполнении толстого татарина... Где, где мои еврейские корни? Где они, мама?! У меня уже есть еврейское счастье, чувство юмора обреченного человека и бесконечная любовь к земле обетованной. Так где же мой Моисей? Когда он пойдет к фараону с требованием трех миллионов долларов мелкими купюрами? С ним мы потом будем уходить от погони, раздвинув волжские воды.

Знаете, какое вдохновение снисходит на человека возле Стены Плача? Даже если до этого был ступор, и вы не знали, о чем же написать Всевышнему, то перед Стеной Плача у вас прорезается писательский талант, вам вдруг есть о чем с Ним поговорить, за всех попросить. А потом в Стену рассовать. Надо заметить, что это довольно удобный способ связи с Царствием Небесным. Получается, в Израиле народ живет через стенку с богом. Иногда перестукивается.

Потом была еще раз Турция, но дорого, скучно и недолго... Нет, вы не подумайте, с географией у меня неплохо, я вот и глобус купил. Один пьяный автослесарь мне очень советовал:

– Купи глобус. Не выпей, но купи! Раскрути его, как барабан у Якубовича, и ткни. Куда пальцем попадешь – туда и ехай... ик, едь. Наугад не тыкай. В океан попадешь. А это примета плохая. Я вот плаваю плохо. И я в океан не тку... ик, не тычу. У меня друг вот так сильно ткнул, глобус проткнул. Ну и поехал осматривать шахты Кузбасса. Вдумчиво ткать... ик, тыкать надо. И не пить. А хочешь вокруг света за восемьдесят дней? Купи большой глобус. И ходи вокруг. Понял, да? Только Австралию оставь. В Австралию надо ехать после. Чтобы там умереть.

Я до сих пор одного не пойму: чего он так далеко за смертью собрался? Ему здесь земли мало, что ли? В общем, я купил глобус. Куда ткнуть? Хочу в Австралию, да рано мне помирать.

Я знаю, где находится Ирландия. Немного западнее Британии. Чуть в стороне и выше Уэльса. Там варят отличное пиво и делают посредственный виски. Танцуют джигу и пьют как черти. Живут там сплошь рыжие, говорят на смешно звучащем диалекте, клянут англичан. Когда-то эти рыжики построили Америку. Просто сели на подручные плавсредства и сбежали со своего голодного сырого островка в Новый Свет. Захватили с собой святого Патрика, четырехлистный клевер и немного таланта в актерстве и песнопении. Знаете, ирландцы оказались похожими на евреев. Те и другие где-то долго шатались, пока не достигли земли обетованной. Причем ирландцы в пути сильно размножились. Иначе как объяснить, что в Ирландии живет четыре миллиона ирландцев, а в Новом Свете – тридцать три.

Я ни разу не был в Ирландии, но знаю о ней неприлично много. Я простой житель страны морозов, слипшихся пельменей и самогона из табуретки. Что роднит мою родину с Изумрудным островом? Климат? Вряд ли. Наши морозы – бедствие даже для белых медведей. Может, пристрастие к алкоголю? Мешать виски с пивом приятнее, чем мутить ерша. И после даже отрыжка вкуснее. Но сходство на этом заканчивается. Для жителя страны победившей клептократии непатриотично так много знать про земли на севере от Британских островов и не знать о городе, в который переехал.

Честно говоря, я не выбирал между «уезжать» и «оставаться». Уезжать! Распахнуть Берту, погладить ее шершавый металлический бок на прощание и двинуться в путь. Необходимо было выбрать направление. Умные, предприимчивые и смелые бегут из моего родного города в Москву. Умные, но трусоватые – в Питер. Я выбрал Кострому. Кто я? Что этот выбор говорит обо мне? Что я вообще знаю о Костроме, кроме песни?

Кострома – маленький городок в верховьях Волги. Однажды он был дотла сожжен князем Константином. С тех пор он так и стоит в дыму, пепле и копоти, печными остовами сгоревших изб целясь в небо. А если смотреть сбоку, то он становится похож на выбеленный солнцем скелет кита, выбросившегося на пустынный пляж.

В таких местах рождаются всемирно известные босяцкие блюда. В Испанских кварталах Неаполя, в самом логове Коморры родилась пицца. И после захватила мир. А в Костроме появилась солянка, наследие татаро-монгольского ига и наш ответ неаполитанскому влиянию. Маленькие, чернявые потомки чингизидов наполняют Кострому как квашеная капуста.

ста деревянную кадку. Даже в разудалой языческой «Костроме» слышится татарский напев: «Кострома, Костромые, государыня моя, Кострома, айе». «Айе» переливисто разливается в припеве, несется над выжженной Костромской землей. Татарское «да» заполняет собой все вокруг. И что-то родное вдруг накатывает на тебя в этом старом городе, который пережил пару десятков правителей, три пожара и подарил миру солянку. Таковую, с разномастными копчено-стями, бараньими почками, крупно нарубленными оливками и непременно лимончиком. И моя татарская суть закричит, запоет: «Айе, шундый тамле!»

В Ирландии живет великий актер. Брендан Глисон.

Брендан Глисон любит солянку. Я вам точно это говорю. Даже если ее ни разу не ел, он все равно ее любит. Я виски люблю. Брендан тоже. Я «Гиннесс» люблю – и Брендан его уважает. Я в пабах зависаю. А уж как Брендан там гудит – не вышептать. Я люблю солянку... Проследиваете взаимосвязь? Я уверен, мы с Бренданом подружимся на почве этой любви. Ведь однажды я ворвусь в Кострому, проскачу ее зелеными улицами, вырвусь на оперативный простор, а там и до Ирландии рукой подать.

По-моему, познакомить Брендана с солянкой – хорошая причина для путешествия в Ирландию через Кострому. Я уже вижу эту картину; сначала касса, тут все классически:

– Ту тикетс ту Даблин.

– Куда, блин?

– Туда, блин!

Потом досмотр:

– Простите, мистер, а что это у вас в котелке? (Excuse me, what do you have in your kettle?)

– Солянка.

– А почему так пахнет? (Why is it smelling so?)

– Свежая.

Затем пограничный контроль.

– Причина визита? (The purpose of the visit?)

– Солянки Брендану привез.

– Настоящей? (Genuine?)

– Да.

– Костромской? (Kostroma?)

И вот когда я утвердительно кивну в ответ, меня уважительно проводят до выхода из аэропорта, подгонят к двери лимузин и с эскортом мотоциклистов сопровождают напрямик по нужному адресу. Доставят к самому порогу дома Брендана Глисона. Старик увидит меня, обнимет, прослезится, а потом нацедит нам по стаканчику. Выпить под горячее – святое дело.

Вот только не надо думать, что мое путешествие продиктовано банальным бытовым пьянством. Алкоголизм – это совсем не то, что вы привыкли себе представлять. Это взять и сорваться к ней посреди ночи. Долго трезвонить в домофон. Ворваться в прихожую, сгрести ее в охапку, зарыться в волосы и страстно шептать, что ты пришел. Ты у ее ног, ты сейчас весь мир заставишь поклоняться ей. Ты говоришь ей, что вот сейчас ты бог, ты – центр мироздания. Ты можешь для нее все.

А она не вырывается, не кричит, не бьет тебя по лицу мокрым полотенцем, не шепчет громко:

– Ты чего орешь?! У меня все спят!

Она ласково берет тебя за подбородок и предлагает еще пятьдесят грамм. А потом как-то легко уходит. Просачивается сквозь тебя. Даже дарит легкий поцелуй. В одно касание, невесомый. И вот ты уже стоишь на морозе дурак дураком, не понимая, что это вообще было.

А утром она пришлет тебе смайлик. И напишет что-то про искру, которую не дают твои отсыревшие свечи. И тогда, только тогда ты точно поймешь, что никогда не представлял, как

правильно. Даже когда знал, все равно не знал. А все потому, что ты не по этому делу. Ты – алкоголик.

Чарльз Буковски утверждал, что к алкоголизму надо готовиться. Нельзя просто так взять – и стать алкоголиком. Надо пройти трудный путь от любителя рюмашки за обедом до маргинала, побирающегося у вокзала. Алкоголизм не простуда, его не подхватишь по пути с работы домой. Не скажешь наркологу, что это мальчики за гаражами выпивали, а ты просто рядом стоял. Спонтанного алкоголизма в природе не существует. Доказано лучшими алкоголиками мира.

Как у любого выпивохи, мое пристрастие к алкоголю имеет философское обоснование. Это не просто пьянство, это погружение во внутреннюю Ирландию. В этот раз я погрузился с конкретной целью – выпить с Бренданом Глисоном. Он человек простой и не откажет путешественнику из далекой холодной мамы-Раши в стаканчике-другом. Даже двум путешественникам. Только конченный псих будет выпивать с Бренданом в одиночку.

Я знаю, что Глисон прошел через пару сотен алкогольных погружений. Он крепкий старик, и попойка с его участием непременно закончится дракой. Лихой кабацкой рубкой. Исход сражения может быть разным. Если Брендан Глисон навалит на нас, наутро парочка местных интернет-изданий черкнет заметочку, что в пабе на углу Henry Street и Liffey Street Upper в легкой разминочной потасовке был замечен Брендан Глисон. Если мы намнем бока Брендану, на следующее утро все мировые СМИ облетит новость о нападении на известного актера двух безумных русских. А дальше пойдут требования к мировому сообществу ужесточить санкции против этих северных варваров. Ну, и про Путина еще чего-нибудь добавят. Новость без Путина – как секс в одиночку: возможен, но не радует.

Лично я ставлю на ничью. На нашей стороне молодость и задор, на его – огромный опыт кабацких драк. Но у нас козырь в рукаве – нас двое. Возможно, это уравнивает шансы. Закончится все в любом случае кружкой «Гиннеса» и лихой татарской «Эх, сыз матур кызлар». Брендан обязательно ее выучит. Татарская плясовая с гаэльским акцентом. Это счастье!

Я уехал в Кострому, чтобы выпить в Ирландии с Бренданом Глисоном. Вы не находите это странным? Как можно переехать в город, про который знаешь меньше, чем про далекую северную страну? Кого я здесь знаю? Никого. Кто меня здесь ждет? Никто. Как меня зовут местные жители? Никак. Правило трех «н» останавливают целые нашествия, но вот не меня! В конце концов, что знали ирландцы о Новом Свете? Что там есть земля. В нее можно что-нибудь посадить. Из этого может что-то вырасти. Заколоситься, заклубиться и потом по кружкам разлиться. Чтобы потом веселиться.

Что я знаю про Кострому? Там есть земля. В нее можно что-нибудь посадить. Там живут люди. В них можно что-нибудь посадить, чтобы потом посидеть, поговорить. Это даже больше, чем знали ирландские переселенцы. В отличие от них я точно знал, что мой «Титаник» в пути не нарвется на айсберг, и до своего нового света я доберусь целиком и без посторонней помощи.

На карте мира давно нет белых пятен. Эпоха великих географических открытий закончилась. Но у меня свой глобус, и он белый. Два-три пятнышка плюс немного России – не в счет. Там, где у нормальных людей Ирландия, у меня белое пятно. Просто море первозданного чистого белого цвета. Где Кострома – тоже. Не мир, а сплошная терра инкогнита. Ирландия – это «Гиннесс», шествие на День святого Патрика, музыка и террористы в Белфасте. И еще пару «Гиннеса» повторите, пожалуйста. Кострома? Что это? Знания о Костроме еще беднее. Станет она моей новой любовью? Затеplit внутри? Будет выходить на дорогу в моменты кратких разлук?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.